DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

М.М. Лебедева

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: world_politics@mgimo.ru

Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики. – Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 76-87. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07

Статья поступила в редакцию: 07.02.2021. Принята к публикации: 02.04.2021

Аннотация. В статье вводится понятие гуманитаризации мировой политики по аналогии с идеей секьюритизации, предложенной представителями Копенгагенской школы международных отношений в конце XX столетия для сферы безопасности. Процесс гуманитаризации мировой политики начался во второй половине XX в. и интенсивно развивается в начале XXI в. Он заключается, во-первых, в бурном развитии социальной и гуманитарной составляющей, в том числе появлении новых предметных областей в мировой политике, например, мирополитических аспектов высшего образования. Во-вторых, социально-гуманитарный компонент проникает фактически во все сферы мировой политики. Автор демонстрирует, что особенностью социально-гуманитарной составляющей мировой политики в XXI в. стало не просто сопровождение военно-политической, экономической и других сфер, как было ранее. Социально-гуманитарные составляющие начинают инкорпорироваться во все другие области международных отношений и мировой политики. В результате оказывается, что та или иная деятельность, непосредственно не связанная с социально-гуманитарной сферой, не может осуществляться без этого компонента. При этом социально-гуманитарное воздействие осуществляется как с помощью мягкой силы, так и с помощью технологий манипулирования, пропаганды и т.п. Подчеркивается, что понятие "гуманитаризация мировой политики" не тождественно понятию "гуманизация мировой политики". Обсуждаются причины возрастания значения социально-гуманитарной составляющей мировой политики. Показывается, что это обусловлено рядом причин, таких как увеличение ценности человеческой жизни, несмотря на наличие примеров прямо противоположного характера. Кроме того, использование военного и экономического ресурсов в мире XXI в. имеет свои ограничения. Наконец, сегодня, как результат усложнения современного мира, наблюдается значительное проникновение различных сфер друг в друга. По этим причинам гуманитаризация мировой политики предполагает возможность как гуманных действий, так и использования социального и гуманитарного компонентов в политических интересах. Делается предположение, что в дальнейшем значение социальной и гуманитарной составляющей мировой политики будет возрастать, а значит, будет усиливаться и ее гуманитаризация.

Ключевые слова: Копенгагенская школа международных отношений, мировая политика, социальная и гуманитарная составляющая, социально-гуманитарные технологии, фейковые новости, гуманитаризация мировой политики, мягкая сила, манипуляции в мировой политике.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Пандемия COVID-19 повлияла на все области мировой политики. Не стала исключением и социально-гуманитарная сфера. Проблемы здравоохранения, образования, продовольственная программа, прогнозируемый голод "биб-

лейских масштабов"[1] во многих странах мира и другие подобные вопросы стали выходить на первый план в международной повестке дня. Социальные и гуманитарные проблемы и ранее привлекали внимание исследователей в области международных отношений и мировой политики, но пандемия COVID-19 привела к их значительному обострению.

Несмотря на то, что гуманитарные и социальные аспекты (ресурсы, области, технологии, проблемы) в международных отношениях часто выделяются и рассматриваются по отдельности, в настоящем исследовании они объединены, поскольку тесно связаны между собой [Лебедева, Рустамова 2018]. Так, даже предоставление гуманитарной помощи в конфликтных ситуациях обусловлено прежде всего ориентацией на наименее защищенные социальные слои.

В последнее время в международных исследованиях стало использоваться, хотя и не часто, понятие "нематериальный ресурс" (см., например, [Глаголев 2015]). Оно близко к понятию "социально-гуманитарный ресурс", но не тождественно ему. Например, гуманитарная помощь предполагает использование материального ресурса, и в этом отношении очевидно материальна. Однако в международной практике для государств, международных организаций, структур бизнеса, неправительственных организаций и других игроков это, прежде всего, гуманитарная деятельность.

В чем причина такого интереса к социально-гуманитарной сфере и использования ее инструментов в мировой политике? И можно ли говорить о современной гуманитаризации мировой политики и международных отношений по аналогии с идеей секьюритизации, выдвинутой Копенгагенской школой международных отношений в конце прошлого века [Waever 1995], на основе которой появился целый ряд работ по экономической, продовольственной, энергетической и другим измерениям безопасности?

Гуманитаризация мировой политики означает, что ее гуманитарный и социальный компоненты стали интенсивно развиваться. Безусловно, в той или иной степени социальная и гуманитарная проблематика в международных исследованиях затрагивалась и ранее, но современные масштабы таких работ оказываются намного более значимыми. В данном случае под гуманитаризацией мировой политики понимается прежде всего процесс проникновения гуманитарной составляющей во все сферы мировой политики подобно тому, как секьюритизация означает, что любая мирополитическая проблема рассматривается с точки зрения безопасности.

Сам термин "гуманитаризация" не нов. Наиболее часто он используется в исследованиях по проблемам образования, где определяется обычно как усиление гуманитарного компонента в преподавании технических, естественнонаучных, математических дисциплин (см., например, [Цвык, Цвык 2020]). Принципиальным отличием в этом контексте является то, что гуманитаризация подразумевает, что, с одной стороны, практически все проблемы мировой политики могут рассматриваться и рассматриваются с гуманитарной точки зрения (в том числе безопасность), с другой – гуманитарная и социальная составляющие стали проникать в различные сферы мировой политики, которые ранее не рассматривались как мирополитические. Например, ранее область высшего образования практически не изучалась специалистами по мировой

[1] Глава Всемирной продовольственной программы заявил о риске голода "библейских масштабов". – *ТАСС*. 22.08.2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/9263347 (accessed 01.03.2021).

политике. То же можно сказать о здравоохранении, туризме и о многих других сферах.

Существует также огромный пласт философской литературы и исследований по международным отношениям, в которых обсуждаются вопросы социально-гуманитарного знания и гуманизма. Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что гуманитаризация мировой политики вовсе не предполагает, что мировая политика стала более гуманной. В ряде случаев происходит прямо противоположное. Так, Е. Громогласова показывает, что в странах Латинской Америки – Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале – в результате криминального насилия происходит девальвация человеческой жизни и разворачивается гуманитарный кризис [Громогласова 2017]. Подобных примеров множество. Иными словами, гуманитаризация мировой политики предполагает в том числе использование социального и гуманитарного компонентов или апелляцию к ним в политических целях.

Таким образом, данное исследование направлено на то, чтобы выявить феномен – гуманитаризацию мировой политики, который, как представляется, аналогичен феномену секьюритизации. Гипотеза исследования состоит в том, что социальные и гуманитарные аспекты стали составной частью проблем международной безопасности, мировой экономики и других областей, а также получили сильнейший импульс собственного развития. Причем цель работы заключается не столько в доказательстве гипотезы, сколько в ее обосновании. В теоретическом плане настоящая статья, как и исследования в рамках Копенгагенской школы, исходит из представлений конструктивизма и реализма в международных отношениях. Такое сочетание различных подходов допустимо в прикладных исследованиях [Sil, Katzenstein 2010].

Развитие социально-гуманитарной сферы и ее исследований в мировой политике во второй половине XX в. – начале XXI в.

До недавнего времени социальная и гуманитарная проблематика занимала, скорее, второстепенное положение и в международной практике, и в исследованиях. В течение длительного времени доминировали вопросы международной безопасности, а со второй половины XX в. к ним добавились международные экономические проблемы. В международных соглашениях, охватывающих широкий круг тем, социальные и гуманитарные проблемы обычно следовали за вопросами безопасности и экономики.

К концу XX в. ситуация стала меняться. Наряду с традиционными проблемами международных отношений и мировой политики начали активно обсуждаться социальные и гуманитарные аспекты, в их числе гуманитарная дипломатия, гуманитарная помощь, гуманитарные вызовы, гуманитарный вектор внешней политики, гуманитарное право, гуманитарный кризис и т.п. Разумеется, военно-политические и политико-экономические вопросы не снижают своего "веса" в мировой политике, о чем упоминал, в частности, Дж. Най [Nye 2011]. Речь идет о том, что социально-гуманитарные средства влияния часто не менее действенны по сравнению с традиционными средствами.

Со второй половины XX в. в международных отношениях начинают интенсивно разрабатываться различные социальные технологии; наиболее активно этот процесс разворачивается в США. Довольно яркое развитие социальных технологий наблюдается в сфере урегулирования конфликтов и ведения

международных переговоров. Этот пласт литературы огромен. В качестве примеров можно привести работы Дж. Бертона [Burton 1969], Г. Келмана [Kelman 1972] по урегулированию конфликтов, а также Р. Фишера и У. Юри [Fisher, Ury 1978], Ф. Икле [Iklé 1976] – по технологии и особенностям ведения переговоров и посредничеству.

Социальные и гуманитарные технологии мировой политики, отвечая на вызовы времени, продолжают развиваться в XXI в. Это отчетливо видно на примере публичной дипломатии. Так, в 1990-е годы под воздействием иллюзии "конца истории" публичная дипломатия пережила упадок. Однако после террористических актов 11 сентября 2001 г. США, осознав необходимость влияния на восприятие своей страны в арабском мире, обратились к инструментам публичной дипломатии. Сначала Соединенные Штаты попытались использовать тот инструментарий, который был наработан в предыдущие годы [Melissen 2005; Долинский 2011] – прежде всего, воздействие представителей государственных структур на общества других стран (*G2P*). Но это не привело к должному эффекту, и позднее технологии публичной дипломатии были усовершенствованы. В результате сформировалась новая публичная дипломатия, для которой характерно взаимодействие между людьми из различных стран (*P2P*) [Snow 2010], а также сетевой принцип взаимодействия и открытости [Zaharna 2007].

Развитие высшего образования в Европе и появление Болонского процесса побудило исследователей в области международных отношений и мировой политики обратиться к изучению этих вопросов. Высшее образование стало имманентной чертой исследований мировой политики. Примечательно, что Россия в этом плане оказалась в числе первых стран. В российских публикациях обсуждаются как положительные моменты, так и международно-политические проблемы, возникающие в связи с Болонским процессом ["Мягкий путь"... 2005; Лебедева 2017]. Этот пример, независимо от того, как рассматривается Болонский процесс, показывает расширение предметного поля мировой политики за счет гуманитарной и социальной составляющих.

Значительно более пристальное внимание к социальным и гуманитарным проблемам в конце XX – начале XXI вв. стал проявлять Совет Безопасности ООН. Статистический анализ принятых СБ ООН резолюций показывает, что вопросы, связанные с гуманитарной и социальной проблематикой, начинают рассматриваться все чаще, а сам спектр гуманитарной проблематики расширился. Принятые резолюции СБ ООН касаются безопасности различных социальных групп в конфликтах (женщин, детей, гражданских лиц и т.п.); урегулирования конфликтов, в частности роли различных акторов в этом процессе; предоставления гуманитарной помощи, а также проблем, связанных с распространением болезней, изменением климата и др. Фактически на этом примере наблюдается гуманитаризация проблематики международной безопасности. И здесь возникает проблема, обусловленная тем, что, с одной стороны, современное международно-политическое развитие требует рассмотрения Советом Безопасности гуманитарных вопросов, с другой – такая проблематика, строго говоря, выходит за рамки безопасности, определенной при создании ООН. В этом смысле расширенное понимание проблематики международной безопасности может затруднить деятельность Совета Безопасности. Очевидно, что данное противоречие придется преодолевать [Лебедева, Устинова 2020].

Региональные организации все чаще обращаются к социальным и гуманитарным вопросам. В качестве примеров можно привести документ, разрабо-

танный в НАТО по стратегической коммуникации[2], а также материалы ШОС по гуманитарному сотрудничеству[3].

Одним из показателей того, что гуманитарный фактор становится крайне важным в современном мире, является принятие в России документа "Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурного-гуманитарного сотрудничества". В документе отмечается, что в настоящее время усиливается необходимость культурной дипломатии[4].

Как в России, так и за рубежом интенсифицируются исследования специалистов в области мировой политики по проблемам культуры, спорта, гуманитарной помощи, устойчивому развитию и т.п.

Развитие социально-гуманитарной практики в международной сфере и научного поиска в этом направлении получило отражение в теоретических исследованиях, которые в отличие от классических теорий международных отношений стали в большей степени ориентированы на человека, его личность, а также на восприятие, коммуникацию, понимание, эмоции и т.п. В рамках феминистских теорий такие исследователи, как Ж.Б. Эльштайн [Elshtain 1995] и Э. Тикнер [Tickner 1997], на примере международной безопасности обратили внимание на различия в восприятии войны мужчинами и женщинами.

Значительную роль в развитии представлений о роли восприятия и понимания в мировой политике сыграл конструктивизм. В одной из первых конструктивистских работ в области международных отношений Н. Онуф показывает, что мир конструируется путем речевых актов [Onuf 1989]. Идеи конструктивизма в международных отношениях получают дальнейшее развитие в работах А. Вендта, М. Финнимор и многих других авторов. Следует отметить, что Копенгагенская школа международных отношений также в значительной степени ориентируется на конструктивизм.

В этом случае важен не анализ концепций феминизма или конструктивизма (подробнее см. [Алексеева 2019]), а сам факт возникновения и развития с конца XX столетия теоретических направлений в области международных отношений, которые акцентировали внимание на аспектах, связанных с особенностями человека и различных социальных групп – их памятью, восприятием, мышлением и т.п.

В 1990 г. Дж. Най вводит понятие мягкой силы [Nye 1990], на котором в дальнейшем стала базироваться одноименная концепция, ключевым элементом которой выступает идея привлекательности. Формирование привлекательности предполагает понимание того, что может оказаться таковым для аудитории, и ориентировано на социальные и гуманитарные отношения.

В свою очередь, С. Стрэндж выделила структурную силу, которая представляет собой формирование норм и правил международного поведения [Strange 1989]. Идеи С. Стрэндж получили меньшее распространение по сравнению с концепцией Дж. Ная, тем не менее они с таким же основанием относятся к социально-гуманитарному ресурсу влияния.

---

[2] *NATO Strategic Communications Centre of Excellence. About Strategic Communications.* URL: https://stratcomcoe.org/about-strategic-communications (accessed 05.05.2020).

[3] *Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал). Министерство иностранных дел России*. 09.09.2014. URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939176 (accessed 05.05.2020).

[4] *Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества*. 2010. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550 (accessed 05.05.2020).

В России также появился интерес к анализу различных концепций в области международных исследований с точки зрения их применения для решения социальных и гуманитарных задач. В парадигме конструктивизма проводится ряд российских исследований. Кроме того, обращается внимание на теоретические вопросы собственно гуманитарной сферы. В частности, А.Л. Бардин и М.И. Сигачёв рассматривают концепцию устойчивого развития, наряду с другими концепциями развития и приходят к выводу, что перспективной является "концепция ответственного развития, опирающаяся при выборе приоритетов на морально-нравственную мотивацию, культуру диалога и бережное отношение к природе" [Бардин, Сигачёв 2019: 24]. Российскими исследователями анализируются и различные аспекты гуманитарной политики государств [Громогласова 2018].

Международные отношения и мировая политика – не единственная сфера, в рамках которой на рубеже веков начинают разрабатываться прикладные и теоретические исследования, связанные с социальными и гуманитарными аспектами. Начиная с конца XX в., в экономике развиваются исследования, направленные на изучение корпоративной социальной ответственности (см., например, [Завьялова 2018]). Нобелевские премии в области экономики все чаще получают ученые, изучающие либо человеческое поведение в экономическом контексте, либо проблемы, непосредственно связанные с социальными аспектами. Например, в 1992 г. Г. Беккеру премия присуждена "за исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничивающегося только рыночным поведением", а в 2005 г. премию получили Р. Ауманн и Т. Шеллинг "за вклад в лучшее понимание конфликта и сотрудничества при помощи теории игр".

Аналогичное внимание к человеку, его поведению, восприятию наблюдается в политологии, международном праве, социологии. В частности, большую популярность в политологии получили исследования идентичности, культуры и т.п. для понимания политических процессов. Подобных исследований множество в различных социальных и гуманитарных науках.

Социально-гуманитарная составляющая в сфере безопасности и международной экономической сфере

Наряду с увеличением значимости собственно социальных и гуманитарных вопросов и их исследований, данные составляющие начинают инкорпорироваться в различные виды деятельности. Иными словами, гуманитарный и социальный компоненты включаются во все другие области международных отношений и мировой политики, в том числе в такие классические, как международная безопасность и международная экономическая сфера.

Феноменология проявлений социально-гуманитарной составляющей в различных сферах мировой политики крайне обширна. Очевидно, что и ранее социальные и гуманитарные факторы вплетались в те или иные сферы мировой политики, но в настоящее время выделяется ряд новых моментов. Прежде всего, происходит не просто сопровождение социально-гуманитарными технологиями деятельности в других сферах, как было ранее; эти инструменты и технологии становятся настолько значимыми, что в их отсутствие такая деятельность вообще не может осуществляться.

Агитация и пропаганда, относящиеся к социально-гуманитарным средствам воздействия, всегда сопровождали конфликты и войны – которые, впрочем,

были своего рода "классическими". В современном мире появился новый вид войн – гибридные войны, где наряду с экономическими и другими невоенными средствами воздействия значимую, если не ведущую роль начинают играть социальные и гуманитарные инструменты. Причем эти инструменты могут использоваться как для разжигания конфликтов и войн, дестабилизации ситуации, так и напротив – для урегулирования конфликтов. В качестве примеров первого типа инструментов можно привести информационные войны, включая противостояние в интернете, распространение фейковых новостей и т.п. Так, А.И. Подберёзкин и А.В. Жуков рассматривают информационное воздействие как средство, позволяющее решать вопросы, которые ранее решались военными, экономическими и другими средствами. В результате, как пишут авторы, информационное воздействие стало "неотъемлемой составляющей сетецентричной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей" [Подберёзкин, Жуков 2015: 106].

Одним из распространенных видов информационного воздействия в конфликтах и войнах в эпоху интернета стали фейковые новости, определяемые обычно как сознательно созданные ложные новости [Gelfert 2018], фальсифицированная информация. Примером может служить деятельность неправительственной организации "Белые каски", действующей на территории Сирии, которая контролируется оппозиционными сирийским властям силами и представляет себя как организация, предоставляющая медицинскую помощь населению. При этом, по сообщениям СМИ, они были замечены в создании фейковых видеороликов, которые были использованы для обвинения сирийского правительства в использовании отравляющих веществ[5].

Социальные и гуманитарные технологии применяются не только для ведения гибридных войн и манипулирования конфликтной ситуацией. Переговорные и посреднические технологии, выступая в качестве социально-гуманитарного ресурса, используются для урегулирования конфликтов [Лебедева 2020]. Эти технологии получили развитие преимущественно во второй половине XX в., однако в XXI в. количество ведущихся переговоров и посредничества в международно-политической сфере, пожалуй, стало меньше. Особенно это проявилось в области разоружения. Отчасти такое снижение переговорных механизмов можно объяснить возрастанием напряженности в современном мире. При этом в период холодной войны эти технологии развивались и использовались при урегулировании спорных и конфликтных ситуаций.

Необходимо отметить, что к мягкой силе не имеют отношения как фейковые новости и подобные им технологии, так и, казалось бы, близкие к ним виды коммуникации. Так, стратегическая коммуникация, как она определена, например, Центром передового опыта НАТО в области стратегической коммуникации, включает в себя в том числе "психологические операции... с тем чтобы влиять на восприятие, отношение и поведение, которые определяют достижение политических и военных целей"[6]: по сути, речь здесь идет о пропаганде.

Очевидно, что воздействие на внешнюю аудиторию также может осуществляться посредством мягкой силы, т.е. через формирование привлекательности.

---

[5] См., например: "Белые каски" ищут в Сирии добровольцев, чтобы отравить их хлором. – *Комсомольская правда*. 31.10.2018. URL: https://www.kp.ru/daily/26902.4/3946959/ (accessed 24.08.2019).

[6] *NATO Strategic Communications Centre of Excellence. About Strategic Communications*. URL: https://stratcomcoe.org/about-strategic-communications (accessed 05.05.2020).

И в дипломатии, и во внешней политике государства используют оба типа воздействия: пропаганду, не предполагающую формирование привлекательности, и мягкую силу. Оба типа представляют собой гуманитаризацию мировой политики, в данном случае использование гуманитарной составляющей в политических целях. Так, при ведении официальных переговоров с большей степени вероятности следует ожидать использование средств привлекательности, если переговоры нацелены на достижение договоренностей. Неслучайно предложения об открытости самого процесса ведения переговоров вызвали скепсис как у практиков, так и у исследователей, поскольку в этом случае участники будут обращаться к внешней аудитории, а не друг к другу [Zartman, Berman 1982]. Публичным же должен быть итог, результат переговоров. В то же время в публичной сфере международных отношений государства часто используют пропаганду. Появление социальных сетей, в том числе использование их официальными лицами, сделало многие процессы, которые ранее носили если не конфиденциальный, то своего рода камерный характер, публичными.

Социально-гуманитарная составляющая пронизывает экономическую сферу, что видно не только по присуждению Нобелевских премий в области экономики, но и по конкретным областям практической деятельности. В. Иноземцев анализирует такие сферы, как борьба с голодом и бедностью, геноцид и массовое насилие, трансграничные проблемы (в частности, миграционные проблемы), экологические вызовы[7]. Все они, безусловно, относятся не только к экономике, но и к социально-гуманитарной области мировой политики.

Практически все крупные структуры бизнеса в современном мире имеют социальные и гуманитарные проекты – экологические, спортивные, культурные, образовательные, тогда как сам характер их деятельности часто оказывается далек от социально-гуманитарной сферы. Наконец, немаловажно, что в XXI в. по инициативе ООН был создан Глобальный договор[8], призванный стимулировать социальную ответственность бизнеса в мировом масштабе.

Перспективы дальнейшего развития социальной и гуманитарной сферы в мировой политике

Пандемия COVID-19 обострила социально-гуманитарные проблемы и породила новые, в том числе связанные с ростом безработицы, организацией здравоохранения (доступность медицинской помощи для разных стран и разных категорий населения, сворачивание медицинской плановой помощи и т.п.), устойчивого развития, ограничением международного взаимодействия, которое только отчасти перешло в онлайн, а также с социальными и психологическими аспектами дистанционного образования, локдауна и т.п. В результате пандемии возросло социальное неравенство в мире, что требует, как справедливо отмечают А.А. Дынкин и Е.А. Телегина, ориентации на концепцию ответственного развития [Дынкин, Телегина 2020].

В плане социального неравенства пандемия обнажила тенденцию, которая намечалась ранее и на которую особое внимание обратил Т. Пикетти, показав на статистическом и историческом материале, что усиление социального неравен-

[7] Иноземцев В. Россия и глобальные гуманитарные вызовы: к новому осмыслению. – *РСМД*. 21.02.2013. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-globalnye-gumanitarnye-vyzovy-k-novomu-osmysleniyu/ (accessed 05.05.2020).

[8] *Глобальный договор*. URL: http://www.globalcompact.ru/ (accessed 05.05.2020).

ства в мире ведет к конфликтам и войнам [Пикетти 2015]. Социальное расслоение и конфликты наблюдаются сегодня в различных странах мира: США, Франции, Нидерландах, Италии и др. Одновременно в ЕС отмечались проблемы в сфере государственного управления, по крайней мере, на начальных стадиях развития пандемии, когда в борьбе с SARS-CoV-2 государства ЕС пошли разными путями, не координируя свои действия друг с другом [Bouckaert et al. 2020].

Усиление роли социального и гуманитарного компонента в мировой политике обусловлено рядом причин. Прежде всего, по мере развития человечества возрастает цена человеческой жизни. В международных договорах зафиксированы ограничения на применение оружия массового поражения. Взаимозависимость стран мира делает проблематичным применение экономических рычагов воздействия. Все это увеличивает значимость социальных и гуманитарных средств влияния в международной политике. Используются же они двояким образом: 1) для решения проблем, улучшения условий жизни и т.п., что отвечает принципам гуманизма, 2) для реализации собственных интересов. Во втором случае происходит апелляция к социальным и гуманитарным аспектам, поскольку они оказываются общественно значимы.

С появлением социальных сетей огромные массы людей оказались вовлечены в международную коммуникацию, что сформировало среду и возможности для применения различных социальных технологий. По мере усложнения мира также можно наблюдать значительное проникновение различных международных сфер друг в друга и их политизацию – например, мировой энергетики [Боровский 2008], публичной дипломатии [Цветкова, Ярыгин 2013] и многих других. Как следствие, социальные и/или гуманитарные аспекты оказываются значимы для таких вопросов, как “мягкая безопасность” – например, продовольственная безопасность.

В перспективе следует ожидать дальнейшего роста значимости социальной и гуманитарной составляющих мировой политики и, как следствие, ее дальнейшей гуманитаризации. А также совершенствования технологий, которые могут быть использованы как для помощи населению, так и для манипуляции им в политических целях.

Важно, чтобы вектор развития человечества характеризовался не только гуманитаризацией как таковой, но и способствовал бы гуманизации мировой политики – утверждению гуманного отношения к человеку вне зависимости от его социального статуса, национальности и т.п. Поскольку наполнение понятий гуманитаризации и гуманизации варьируется в различных цивилизациях, необходимы исследования таких трактовок и их значения для науки и политической практики, прежде всего в части принципов, на которых может/должен выстраиваться новый мировой порядок и роли в нем социально-гуманитарной составляющей.

В науке до сих пор отсутствует целостное представление о феномене социального и гуманитарного развития мировой политики, равно как и инструментарий его оценки. Исследования в этой области позволят разработать научно обоснованные и релевантные национальные стратегии международной социально-гуманитарной деятельности. Так, в России утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года[9]. Хотя в ней

[9] *Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.* URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (accessed 05.05.2020).

неоднократно упоминается международная культурная политика, основное внимание сосредоточено на внутригосударственной культурной политике, а международная составляющая представлена слабо.

Необходимы также и научно обоснованные наднациональные стратегии социально-гуманитарной политики международных союзов и организаций. Что касается механизмов их реализации, в них должны быть инкорпорированы акторы разного уровня: не только государства и международные организации, но и субгосударственные регионы, бизнес, университеты, театры, музеи и т.п.

Принципиальное значение имеет точка приложения таких стратегий и технологий. Они должны быть направлены прежде всего на гуманизацию мировой политики, а не на использование социального и гуманитарного ресурса в целях манипулирования. Задача научного сообщества состоит и в том, чтобы вскрыть механизмы подобного манипулирования.

Следует, впрочем, избегать абсолютизации процесса гуманитаризации мировой политики, как это отчасти случилось с ее секьюритизацией; это может привести к утрате специфики и многообразия при описании и анализе мирополитических явлений.

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07

HUMANITARIZATION OF WORLD POLITICS

M.M. Lebedeva[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

LEBEDEVA, Marina Mikhailovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University, email: world_politics@mgimo.ru

Lebedeva M.M. Humanitarization of World Politics. – Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 76-87. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07

Received: 07.02.2021. Accepted: 02.04.2021

Abstract. The article introduces the concept of humanitarization of world politics by analogy with the idea of securitization proposed by representatives of the Copenhagen School of International Relations at the end of the twentieth century for the security sphere. The humanitarization of world politics is understood as a process that has become characteristic since the second half of the twentieth century and, especially intensively began to develop and manifest itself at the beginning of the twenty-first century. The humanitarization of world politics consists, firstly, in the rapid development of the social and humanitarian component, including the emergence of new subject areas in world politics, for example, the world political aspects of higher education. Secondly, the social and humanitarian component penetrates virtually all spheres of world politics. The article shows that the peculiarity of the socio-humanitarian component of world politics in the XXI century was not just the support of military, economic and other spheres, as it was previously. Social and humanitarian components are beginning to be incorporated into all areas of international relations and world politics. As a result, it turns out that certain activities that are not directly related to the social and humanitarian sphere cannot be carried out without this component. At the same time, the social and humanitarian impact is carried out both with the help of soft power and with the help of manipulation technologies, propaganda, etc. It is emphasized that the concept of "humanitarization" of world politics is not identical to the concept of "humanization" of world politics. The article discusses the reasons for the increasing importance of the social and humanitarian components of world politics. It is shown that this is due to a number of reasons, including the increase in the value of human life, despite the presence of examples of a directly opposite nature. In addition, the use of military and economic resources in the world of the XXI century has its limitations. Finally, today as a result of the complexity of the modern world, there is a significant penetration of various spheres into each other. In connection with these reasons, the humanitarization of world politics presupposes both the possibility of humane actions and the use of social and humanitarian components in political interests. The article makes the assumption that in the future the importance of the social and humanitarian component of world politics will rise, which means that its humanitarization will increase.

Keywords: Copenhagen School of international relations, world politics, social and humanitarian component, social and humanitarian technologies, fake news, humanitarization of world politics, soft power, manipulation in world politics.

References

Bouckaert G., Galli D., Kuhlmann S., Reiter R., Hecke S.V. 2020. European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis. – *Public Administration Review*. Vol. 80. No. 5. P. 765-773. https://doi.org/10.1111/puar.13242

Burton J. 1969. *Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations*. London: Alden Press. 246 p.

Elshtain J.B. 1995. *Women and War.* University of Chicago Press. 301 p.

Fisher R., Ury W. 1978. *International Mediation: A Working Guide*. Cambridge, Mass.: A Harvard Negotiation Project Publication. 160 p.

Gelfert A. 2018. *Fake News: A Definition. Informal Logic*. Vol. 38. No. 1. P. 84-117. https://doi.org/10.22329/il.v38i1.5068

Iklé F.Ch. 1976. *How Nations Negotiate*. New York: Harper & Row. 274 p.

Kelman H. 1972. The Problem-Solving Workshop in Conflict Resolution. – *Communication in International Politics.* Ed. by R.L. Merritt. Urbana: University Press. P. 168-204.

Melissen J. 2005. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. – *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. Ed. by J. Melissen. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. P. 3-27.

Nye J. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 307 p.

Nye J. 2011. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. 235 p.

Onuf N. 1989. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press. 341 p.

Sil R., Katzenstein P. 2010. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions. – *Perspectives on Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 411-431. https://doi.org/10.1017/S1537592710001179

Snow N. 2010. Public Diplomacy: New Dimensions and Implications. – *Global Communication: Theories, Stakeholders and Trends.* Ed. by T.L. McPhail. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 84-102.

Strange S. 1989. Toward a Theory of Transnational Empire. – *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's.* Ed. by E.-O. Czempiel, J.N. Rosenau. Lexington Books.

Tickner J.A. 1997. You Just Don't Understand: Troubled Engagements Between Feminists and IR Theorists. – *International Studies Quarterly*. Vol. 41. No. 4. P. 611-632. https://doi.org/10.1111/1468-2478.00060

Waever O. 1995. Securitization and Desecuritization. – *On Security.* Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press. P. 46-86.

Zaharna R.S. 2007. *The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy*. Hague Journal of Public Diplomacy. P. 213-228.

Zartman I.W., Berman M.R. 1982. *The Practical Negotiator*. New Haven: Yale University Press. 250 p.

Alekseeva T.A. 2019. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak politicheskaya filosofiya i nauka* [The Theory of International Relations as Political Philosophy and Science]. Moscow: Aspect Press. 608 p. (In Russ.)

Bardin A.L., Sigachev M.I. 2019. Discourses of Development: Social and Humanitarian Aspects. – *Analysis & Forecasting. Journal of IMEMO*. No. 4. P. 24-41. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41

Borovskii Yu.V. 2008. Politicization of the Global Energy Sector. – *International Trends*. Vol. 6. No. 1. P. 19-28. (In Russ.)

Dolinskii A. 2011. A Discourse on Public Diplomacy. – *International Trends*. Vol. 9. No. 1. P. 63-73. (in Russ.).

Dynkin A.A., Telegina E.A. 2020. The Shock of the Pandemic and the Post-Crisis World. – *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 8. P. 5-16. (In Russ.)

Glagolev V.S. 2015. Nematerial'nye faktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Immaterial Factors in International Relations]. – *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom* [Modern Science of International Relations Abroad]. Vol. 3. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow: RSMD. P. 10-18. (In Russ.)

Gromoglasova E.S. 2017. Humanitarian Crisis in the "Northern Triangle". – *Latin America*. No. 12. P. 43-54. (In Russ.)

Gromoglasova E.S. 2018. The Humanitarian Component of the State's Foreign Policy. – *The Humanitarian Component of the State's Foreign Policy*. No. 1. P. 77-91. (In Russ.)

Lebedeva M.M. 2017. International-Political Processes of Integration of Education. – *Integration of Education*. Vol. 21. No. 3. P. 385-394. (In Russ.) https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703

Lebedeva M.M. 2020. International Negotiations as a Social and Humanitarian Resource of World Politics. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 98-113. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.05

Lebedeva M.M., Rustamova L.R. 2018. Transformation of the Social and Humanitarian Sphere of World Politics: Consequences for Russia. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 5. P. 114-130. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130

Lebedeva M.M., Ustinova M.I. 2020. Humanitarian and Social Issues in the UN Security Council. – *International Organizations Research Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 135-154. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-06

"Myagkii put'" vkhozhdeniya rossiiskikh vuzov v Bolonskii protsess [The "Soft Path" for Russian Universities To Enter the Bologna Process]. 2005. Ed. by A.Yu. Melville et al. Moscow: Olma-Press. 368 p. (In Russ.)

Piketty T. 2015. Le capital au XXIe siècle. (Russ. ed.: Piketty T. *Kapital v XXI veke*. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.)

Podberezkin A.I., Zhukov A.V. 2015. Public Diplomacy in the Power Confrontation of Civilizations. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 106-116. (In Russ.)

Tsvetkova N.A., Yarygin O.G. 2013. The Politicization of "Digital Diplomacy": the Public Diplomacy of Germany, Iran, the United States, and Russia. – *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. No. 1. P. 119-124. (in Russ.)

Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. 2020. Social Assessment of Technology and Humanitarization of Activity in the Information Society. – *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 471-486. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486

Zavyalova E.B. 2018. Corporate Social Responsibility: The Evolution of Approaches and Ideas. – *Financial Business*. No. 2. P. 26-31. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2019. *Теория международных отношений как политическая философия и наука*. М.: Аспект Пресс. 608 с.

Бардин А.Л., Сигачёв М.И. 2019. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. – *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 24-41. https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41

Боровский Ю.В. 2008. Политизация мировой энергетики. – *Международные процессы*. Т. 6. № 1. С. 19-28.

Глаголев В.С. 2015. Нематериальные факторы в международных отношениях. – *Современная наука о международных отношениях за рубежом*. Т. 3. Под ред. И.С. Иванова. М.: РСМД. С. 10-18.

Громогласова Е.С. 2017. Гуманитарный кризис в "Северном треугольнике". – *Латинская Америка*. № 12. С. 43-54.

Громогласова Е.С. 2018. Гуманитарная составляющая внешней политики государства. – *Пути к миру и безопасности*. № 1. С. 77-91.

Долинский А. 2011. Дискурс о публичной дипломатии. – *Международные процессы*. Т. 9. № 1. С. 63-73.

Дынкин А.А., Телегина Е.А. 2020. Шок пандемии и посткризисный мир. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 8. С. 5-16.

Завьялова Е.Б. 2018. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей. – *Финансовый бизнес*. № 2. С. 26-31.

Лебедева М.М. 2017. Международно-политические процессы интеграции образования. – *Интеграция образования*. Т. 21. №.3. С. 385-394. https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703

Лебедева М.М. 2020. Международные переговоры как социальный и гуманитарный ресурс мировой политики. – *Политическая наука*. № 3. С. 98-113. https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.05

Лебедева М.М., Рустамова Л.Р. 2018. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 114-130. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130

Лебедева М.М., Устинова М.И. 2020. Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН. – *Вестник международных организаций*. Т. 15. № 1. С. 135-154. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-06

"*Мягкий путь" вхождения российских вузов в Болонский процесс*. 2005. Под ред. А.Ю. Мельвиля и др. М.: Олма-Пресс. 368 р.

Пикетти Т. 2015. *Капитал в XXI в.* М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Подберёзкин А.И., Жуков А.В. 2015. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 6. С. 106-116.

Цветкова Н.А., Ярыгин О.Г. 2013. Политизация "цифровой дипломатии": публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России. – *Вестник СПбГУ. Серия 6*. № 1. С. 119-124.

Цвык В.А., Цвык И.В. 2020. Социальная оценка техники и гуманитаризация инженерной деятельности в информационном обществе. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 471-486. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486